

*В память о моей маме и ее родных —
уроженцах Черной Страны¹*

¹ Черная Страна (*англ.* Black Country) — историческое название значительной территории английского региона Западный Мидленд, в котором была сосредоточена большая часть угледобычи и тяжелой промышленности; примерно такое же прозвище, как «Ржавый пояс» в США. — *Здесь и далее прим. пер.*

1

Он все таращился на сиротливую чашку кофе, которую заказал час назад, — все еще полную до краев.

Чья-то крепкая рука стиснула его плечо, так что скрипнула кожа куртки.

— Может, налить свеженького, погорячее?

Вздвогнув, он поднял голову и встретился взглядом с Роберто.

— Ну да, — проговорил он. — Извини.

В числе множества вещей, которые Мэтт Джексон узнал после смерти Полли, было то, что роль объекта жалости ему глубоко ненавистна. Он мог поклясться, что на похоронах, всего несколько дней назад, коллеги из полиции посматривали на него со смесью сочувствия и чего-то граничащего с презрением. Особенно этот гаденыш, Маркус Броун. Отношения со старшим детективом-инспектором, ответственным за дело Полли и только что назначенным новым руководителем расследования по «делу Неона» — *его расследования*, — не сложились с самого начала. При любом убийстве супруги всегда оказываются в самом начале списка подозреваемых, но версия, будто он вздумал избавиться от собственной жены, сымитировав почерк серийного убийцы, вызывала у него стойкое желание выволочь Бруна в темный переулок и долго выбивать из него мозги.

— Двойной эспрессо, Андреа! — крикнул Роберто через плечо. — За наш счет.

Давление на плечо усилилось.

— Ты вообще как, Мэтт?

Вопрос был не из тех, что требуют правдивого ответа. Джексон подыграл, пробурчав что-то нейтральное, и ответ практически потонул в треске перемалываемых кофейных зерен, клокотании молока и сверкании хрома. Особенно чувствительный к свету в эту минуту, он прищурился.

— В первые дни паршивей всего, — сочувственно произнес Роберто. — Тебе нужно отдохнуть. Нужно *выспаться*.

Если б только! В те редкие минуты, когда в голове не проигрывалось случившееся раз за разом и ему удавалось заснуть, он молился, чтобы вмешалась Судьба и, заснув, он так и не проснулся бы.

Открылась дверь, впуская струю холодного, сырого ноябрьского воздуха и еще нескольких посетителей. Шум, гам. «Как делишки?», «Всем привет!». Довольный тем, что Роберто придется отвлечься, Мэтт скривил губы в сухой улыбке — мол, у меня все о'кей, иди встречай народ.

Когда на столе появилась чашка свежего кофе, он вновь затерялся в темных просторах потери и одиночества. Сколько он еще выдержит? День, два, три дня подряд? В жопу все это. Лучше поскорей со всем этим покончить, а дальше хоть трава не расти.

Сунув руку в задний карман джинсов, Мэтт вытащил бумажный квадратик с липкой полоской — обычную офисную бумажку для заметок, на которой Кенни Флоуэлл, один из его давних информаторов, накорябал подтекающей шариковой ручкой некий телефонный номер.

Сделав глубокий вдох, Джексон потыкал в клавиши мобильного. Два гудка.

— Джон слушает.

Устройство, искажающее голос, придало этой простой фразе интонации киношного злодея из какого-то боевика лихих девяностых, требующего выкуп.

Вздрыгнув от неожиданности, Джексон нажал на «отбой» и отшвырнул телефон, который проехался по пластиковой поверхности стола. Чашка перекосилась, выплеснув часть кофе в блюдце. «Нехорошо вышло». Он осторожно огляделся и выдал виноватую улыбку, адресованную тем, кто стал свидетелем этой неожиданной выходки, — то есть адресованную никому, поскольку никто, похоже, никакого внимания на него не обратил.

«Спокойствие, — приказал себе Мэтт. — Дыши глубже!» Это как раз то, что сказала бы в такой ситуации Полли, и на миг он представил себе ее чудесную улыбку, заряженную спокойной уверенностью и непоколебимой верой. Ей всегда удавалось обуздать его там, где все прочие терпели поражение, — не считая разве что последних шести месяцев, когда расследование придавило его настолько, что напрочь лишило сна и стало уже едва ли не навязчивой идеей. Он круглые сутки торчал за компьютером, без усталости щелкая мышью и по двадцатому разу открывая давно уже просмотренные фото с мест преступлений, силясь рассмотреть какие-то общие знаменатели и обнаружить хотя бы крошечные зацепки. К его великому стыду, достучаться до него в такие моменты было совершенно нереально; он наглухо закрывался и проявлял открытую враждебность ко всем, кто становился у него на пути, — увы, это касалось и его собственной жены... Господи, и без того все было плохо! Но то, что произошло потом, стало преследовать его каждую свободную ото сна минуту, и, что хуже всего, он и помыслить не мог, как все обернется.

Доверяя экспертам, Джексон всегда считал, что серийные убийцы связаны определенными поведенческими схемами, живут в соответствии с неким придуманным ими самими извращенным кодексом и выбирают совершенно определенный тип добычи — обычно женщин послабей и поуязвимей, хотя и не всегда склоняются исключительно к женскому полу. Что предпочитают действовать на знакомой территории, которой в данный момент были ули-

цы Бирмингема. Тот урод, за которым он охотился, ловил кайф от успешных деловых женщин — более уверенных в себе, более привлекательных внешне. Питал истинный вкус к драматическому, сенсационному пусканию пыли в глаза, театральным эффектам — был настоящим артистом, если в данном случае это вообще подходящее слово. Представлял собой нечто вроде извращенного Бэнкси¹: сделал свое дело, удивил всех и исчез, никому не попавшись на глаза. Что потрясло почти так же, как и сама манера, в которой он демонстрировал свои ужасные сцены. Дерзкий, готовый полагаться как на тщательно разработанный план, так и на удобный случай, Неон, как окрестила его пресса, получал удовольствие исключительно от публичности своих работ.

С пересохшим горлом и противным жжением в животе Джексон припомнил Вики Уэйнрайт, первую жертву Неона. Вики — уроженка Дарема, совсем недавно получившая должность в солидной адвокатской фирме, — отбилась от подружек во время разгульного девичника. В ночь, когда переводили часы на час назад², ее каким-то образом заманили в квартиру неподалеку от Почтового Ящика — огромного торгового и офисного центра, расположенного по соседству со зданием Би-би-си. Здесь, несмотря на обилие охранников и камер слежения, ее и задушили.

Первым, что ему запомнилось, когда он оказался на месте преступления, было характерное пронзительное зудение — результат пульсации газа в стеклянных трубках под воздействием переменного электрического тока. В оставленную открытой дверь на балкон тянулись толстые макароны проводов, подсоединенных к трансформатору,

¹ Бэнкси — псевдоним английского андерграундного художника стрит-арта, политического активиста и режиссера, настоящее имя которого до сих пор остается неизвестным. В случае с уличными граффити публике всегда доставался только готовый результат — никому так и не удалось заставить художника за работой.

² Последнее воскресенье октября.

который был подключен к одной из розеток внутри квартиры. Трансформатор запитывал несколько неоновых вывесок.

Полностью одетое тело Вики было уложено в шезлонг на балконе. Могло показаться, что она просто спит, если бы не висящая в воздухе вонь. Там, где кого-то недавно убили, всегда стоит совершенно определенный запах, и Джексон был с ним слишком хорошо знаком.

При внимательном осмотре обнаружили характерные отметины вокруг шеи, оставленные удавкой, сломавшей ей подъязычную кость. Под бровями и на веках краснела петехиальная сыпь — бесспорное свидетельство гибели от удушья. Свидетелем подобного Мэтт становился не раз, но впервые видел, чтобы тело сияло огнями, словно ярмарочный аттракцион. Эффект это производило такой, будто женщина погребена в саркофаге из разноцветного стекла. В Ллойд-хаусе¹ едва не обвалилась связь, когда туда десятками принялись названивать встревоженные обыватели.

Неоновая картина изображала карикатурный разинутый рот с торчащим из него красным языком, который нависал прямо над головой у убитой. Ультрафиолет в флуоресцентных трубках буквально выжигал сетчатку, набрасывая на мертвое лицо резкие черные тени. Смутно припомнилось, что вроде схожий сюжет он уже где-то видел. Ну да, у «Стоунз» — на обложке альбома «Липкие пальцы».

Потрясенный и растерянный, тогда Джексон даже не подумал, что подобное «произведение искусства» могло произрасти на местной почве. Нет, неоновая надпись «Конец игры», поставленная прямо перед телом и сияющая

¹ Ллойд-хаус — здание в центре Бирмингема, в котором располагается управление полиции Западного Мидленда (здесь имеется в виду регион на западе Англии, а не входящее в его состав метропольное графство Уэст-Мидлендс, название которого по-английски пишется точно так же).

всем, у кого хватало духу ею любоваться, выглядела явно винтажной. При виде ее он ощутил натуральную тошноту, но все же надеялся, что восстановленная вывеска может оказаться зацепкой.

В ходе следственных мероприятий удалось проследить ее до одной лондонской фирмы, которая закрылась десять лет назад. Ни чеков, ни накладных. Ни к чему не привели и попытки обнаружить следы ДНК преступника — квартира сдавалась внаем на регулярной основе, и предыдущие постояльцы оставили в ней натуральную кашу из биологического материала.

Два месяца спустя в полиции Западного Мидленда вновь загремели тревожные колокола. Когда поступило сообщение о том, что убийца вновь нанес удар, Джексон, к своему стыду, ощутил некий мрачный подъем. Все элементарно: чем больше эпизодов, тем больше шансов прищучить Неона. Правда, делиться этой мыслью с родителями Ванессы Бут явно не стоило.

Ванесса, торговый представитель крупной фармацевтической фирмы, участвовала в какой-то конференции в городе и, как и предыдущая жертва, тоже оказалась за пределами своей «зоны комфорта». Как и Вики — да и как большинство праздношатающейся публики, наводнившей бирмингемскую Брод-стрит, — она основательно приняла на грудь и для промозглого зимнего вечера была слишком легко одета. Другими словами, представляла собой легкую добычу, с точки зрения какого-нибудь психа.

Войдя через огромные бронзовые двери Зала Памяти на площади Столетия, лишь недавно открытого после масштабной реставрации, охватившей и весь прилегающий район, Джексон чуть не ослеп. Это было все равно что смотреть на солнце в момент затмения. Прямо у подножия напоминающего саркофаг возвышения, воздвигнутого в память солдат, павших на полях сражений Второй мировой, возлежало обнаженное тело Ванессы, освещен-

ное нестерпимо ярким мерцающим светом и словно обернутое перемещающимися пурпурными, кислотно-зелеными и бледно-желтыми лентами. Буйство света и красок резко контрастировало с темным витражным окном в глубине зала. Почерк был тот же самый. Пустота в глазах и вялая синюшная кожа трупа наводили на мысль, что к моменту обнаружения Ванесса, в отличие от предыдущей жертвы, была мертва как минимум несколько часов. Ее тонкое платье было небрежно брошено на стоящую поблизости бронзовую витрину, где под стеклом лежали две книги памяти с именами погибших солдат. Старшина криминалистов, составлявший схему места преступления, даже не сразу его заметил, поскольку усыпальницу едва ли не целиком загоразивала прислоненная к ней огромная неоновая надпись «Христос — это любовь». На тот момент Джексон не мог придумать чего-нибудь более далекого от истины. Шлепок по физиономии. Вытянутый средний палец. «Имел я вас всех!» Обитель скорби выглядела теперь словно увеселительный балаган в курортном приморском городке в разгар сезона.

И хотя, в теории, любой контакт оставляет след, убийца проявил похвальную предусмотрительность — с точки зрения криминалистов, место преступления оказалось едва ли не стерильным. «Черт бы его побрал!»

В марте — новый эпизод. На сей раз жертвой Неона оказалась Джина Дженкс, журналистка из крупного, работающего на всю страну таблоида. Тут Джексон решил, что в расследовании наконец-то наметился долгожданный прорыв.

В надежде сделать себе имя — «воссиять на журналистском Олимпе», как в таких случаях принято выражаться, — Джина решила предпринять собственное расследование деяний серийного убийцы, получившего прозвище Неон. В Мидленде она провела целую неделю и — обычная история — успела задать слишком много вопросов в слишком многих местах. Ее брошенный автомобиль на-

шли в окрестностях Сметвика¹, а вот тело журналистки обнаружилось в самом центре Бирмингема — усаженным верхом на огромного бронзового быка, украшающего пешеходный пассаж торгового центра под названием «Буллинг».

Облаченный в защитный пластиковый комбинезон, Джексон стоял с отвисшей челюстью, пытаясь не выдавать своего ошеломления, и только повторял про себя: «Господи, помилуй!»

Свет лился на знаменитую статую под всеми мыслимыми углами, преломляясь и отражаясь в стеклах окружающих магазинных витрин, соперничая с сияющими в них огнями. Расставленные вокруг бронзового быка неоновые вывески, одна из которых гласила: «Некоторые любят погорячее»², гудели и завывали на все лады. Джексону казалось, что он очутился внутри осинога гнезда. Неон не имеет запаха, но Мэтт отчетливо ощутил некий кисловатый душок — так пахнет страх.

С кружащейся головой и противной пульсацией в затылке он попытался сфокусировать взгляд. Во рту вдруг пересохло, легким стало тесно в груди. Прищурившись, внутри нестерпимо сияющего светового кокона Джексон наконец разглядел Джину, восседавшую на спине у быка, словно леди Годива³. Обнаженное тело переливалось всеми цветами радуги, ослепительное в своем вульгарном бесстыдстве. У скульптуры обнаружилось еще одно дополнение — с шеи быка свисала небольшая неоновая вывеска с именем Джини, светящаяся кислотно-розовым светом. Если у Джексона и были какие-то сомнения относительно способностей убийцы все тщательно планиро-

¹ Городок неподалеку от Бирмингема.

² «Некоторые любят погорячее» — музыкальная кинокомедия 1959 г., известная у нас под названием «В джазе только девушки».

³ Годива — англосаксонская графиня, жена эрла Мерсии Леофрика, которая, согласно легенде, проехала обнаженной по улицам города Ковентри в Англии ради того, чтобы ее супруг снизил непомерные налоги для своих подданных.

вать и скрупулезно следовать плану, то теперь они улетучились без следа.

А потом, полгода спустя, наступил черед Полли. И с ней Неон превзошел сам себя.

При этом воспоминании рот Джексона наполнился желчью, а с этой горечью пришло и стремление поскорей завершить начатое.

Звякнул оброненный кем-то молочник, и он едва не подпрыгнул на стуле. Опять подхватил телефон, ткнул на «Повтор». На сей раз остался на линии. Нервничал, опасно прислушиваясь к звукам в трубке.

— Я хочу сделать заказ навынос.

— Из стандартного меню? — проскрипел в ухо измененный искажающей программой голос.

— Да, будьте добры.

— Вам известны условия оплаты?

— Известны.

— На какое время?

Он закашлялся.

— На сегодня, на десять вечера.

Томительная пауза.

— Это сложно?

— Нет. Давайте адрес.

Джексон назвал номер дома в Кингз-хит — пригородном районе в пяти милях к югу от центра.

— Есть какие-то проблемы с доступом на объект?

— Никаких. Дом чуть в стороне от улицы, в конце дорожки.

На другом конце линии одобрительно буркнули:

— Имя?

— Мэттью Джексон.

— Описание?

— Белый мужчина, тридцать восемь лет, шесть футов один дюйм, восемьдесят три кило, карие глаза, темные выющиеся волосы, лицо бледное, полная нижняя губа, на левой щеке шрам. Я сейчас пришлю фото.